

Нечаева М. Ю. Факторы изменения монастырских ландшафтов в синодальный период (на примере Среднего Урала) / М. Ю. Нечаева // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 316—327.

УДК 322:27-788(470)“18/20”

Факторы изменения монастырских ландшафтов в синодальный период (на примере Среднего Урала)

© **Нечаева Марина Юрьевна (2015)**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора методологии и историографии, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), atlasch@narod.ru.

Статья посвящена анализу факторов, которые определяли изменение пространственного размещения православных монастырей в России синодального периода. Показано на основании архивных материалов и законодательства XVIII — начала XX вв., что требования были изложены еще в Прибавлении к Духовному Регламенту 1722 года. Описываются отраженные в данном документе запреты на устройство уединенных скитов, намерение сводить малобратственные монастыри в более крупные и материально обеспеченные, полный контроль со стороны Синода за процессом официального учреждения монастырей, требование «затворить» женские монастыри и не вести строительство в монастырях выше потребностей. Указывается, что попытка объединения малобратственных монастырей в более крупные не дала существенных результатов и эта политика была скорректирована. Показано, что следующая волна монастырей в России стала появляться только в конце XVIII — начале XIX вв. после завершения распределения монастырских по штатным монастырям. Делается вывод о том, что, выставляя неперенные условия учреждения монастырей, Синод добился того, что монастыри устраивались вблизи населенных пунктов и являлись благотворительными центрами, имеющими материальные средства для своей востребованной местным населением деятельности.

Ключевые слова: Русская Православная церковь; монашество; секуляризация; церковь и государство; монастырские ландшафты; культурные ландшафты; религиозные ландшафты.

1. Введение

Термин «монастырские ландшафты» стал активно использоваться с конца XX века как обозначение одного из типов культурных ландшафтов. В настоящее время еще нет единого понятийного поля для исторического изучения монастырских ландшафтов, существует несколько подходов к их толкованию [Нечаева, 2011]. Наименее проработанными остаются вопросы о соотношении локального, регионального, странового, конфессионального уровней ландшафтов, системообразующих связей в рамках отдельных уровней монастырских ландшафтов. При всем разнообразии подходов общим является их понимание как системного объекта, имеющего свои пространственные выражения. По нашему мнению, монастырский ландшафт — это образ жизни монашеского сообщества, имеющий символические ландшафтные образы. При ланд-

шафтным подходе к истории монастырей должна изучаться пространственная организации их деятельности.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи проанализировать все факторы изменения пространственной организации, остановимся на факторах изменения пространственного размещения монастырей на примере Среднего Урала.

2. «Скитков пустынных монахом строити не попускати»

В синодальный период произошли кардинальные перемены в численности, составе, экономическом обеспечении и даже образе жизни монашествующих.

В Прибавлении к Духовному Регламенту 1722 года — том документе, где и была изложена основная программа реформ относительно монашества, — несколько положений непосредственно определяли пространственное размещение обителей.

Решительная позиция была заявлена относительно небольших монастырей, существовавших в отдаленных малонаселенных местах: *Скитков пустынных монахом строити не попускати. Ибо сие мнози делают свободного ради жития, чтоб от всякой власти и надсмотрения удален жити возмогл, по своей воли, и дабы на новоустрояемый скит собирал деньги и теми корыстовался*». Впрочем, этот запрет обосновывался прежде всего заботами о духовном состоянии насельников: *Да и лишает себе таковой великия пользы душевныя: не имеет у кого вопрошить совета духовного, решения сомнительных помыслов и падежей совести, не видит образа подвигов монашеских. Что же, когда постигнет его в таком уединении час смертный? Кто послужит ему в болезни? Кто утешит, наставит и утвердит его против страха отчаятельного? Заранее полемизируя со сторонниками сложившихся традиций устройства монастырей в уединенных местах для ведения отшельнической жизни, авторы Прибавления (Феофан Прокопович и Петр I) отмечали, что пример отцов Церкви — основоположников христианского монашества Павла Фивейского, Антония Великого, Макария Египетского и других — доступен для духовного примера не каждому, ибо они были *мужие добре в Богословии Христианстей обученнии и великого рассуждения и искусства ... А человеку невежливому таковое житие опасно есть, и душепагубному бедствию подлежащее*. Упомянули и про географический фактор: *К тому ж пустыням прямым быть в России, холодного ради воздуха, невозможно. Ибо в Палестине, в пустынях, и в прочих теплых странах есть довольно плодов, чем питаться, и тако может весьма от миру отлучиться: zde же без пашни, рыбы, огородов пробыть невозможно, что тайно и уединенно быть не может* [ПСЗ-1, т. VI, № 4022. О монастырях, п. 44]. Впрочем, исследователи уже отмечали, что тезис о холодном климате, препятствующем отшельнической жизни, явно противоречит истории создания православных монастырей на Русском Севере, где было немало примеров истинно подвижнической иноческой жизни [Ивановский, 1905, с. 83].*

Из приведенного выше обоснования, что в условиях России только сложившееся многопрофильное хозяйство, недостижимое для отшельников, может стать основой для уединенной от мира монашеской жизни, вытекало и следующее положение: запрет малобратственных монастырей и требование *сводити во едину обитель ... ради лучшего благоговения*. Авторы документа считали, что оптимальное количество насельников — не менее тридцати, полагая, что такая численность позволит общине пропитаться, и то *по самой нужде, понеже малым братством повседневною Божественную службу и общежительство, яко же подобает, отправляти невозможно* [ПСЗ-1, т. VI. № 4022. О монастырях, п. 45].

При этом авторы Прибавления считали, что объединение малобратственных монастырей с более крупными приведет и к немалой экономической выгоде, поскольку при общежительных порядках (а они также предписывались), никто не сможет самовольно разбазаривать монастырское имущество. *И тако греха и излишняя утраты избегнем, и вместо десяти братий питатися могут тридесять* [Там же. О монахах, п. 26].

Прибавление к Духовному Регламенту в этом вопросе продолжало серию нормативных актов, издававшихся еще во второй половине XVII века, стремившихся соединять малобратственные монастыри в более крупные [Ивановский, 1905. с. 82].

Ненужной практикой авторы документа считали и службу белого духовенства в монастырских церквях — для «затворения» монашеской жизни следовало оставить в качестве монастырских только действительно необходимые для общины храмы и в них служить иеромонахам и иеродиаконам, а остальные храмы превратить в приходские и наделить их из монастырских земель участками для обеспечения приходского духовенства. Такая же судьба должна была постигнуть и храмы «скитков», откуда братия будет сведена в более крупные обители. Авторы считали, что в монастыре должно быть не более трех храмов — соборный, трапезный и больничный, — но зато в каждом из них должна быть ежедневная служба, и тогда будут *от множайшего братства и служение и общее житие и всякое монастырское благобразие*, а приумноженное слиянием владений монастырское хозяйство принесет *во всех потребах вящиее во всем изобилие* [ПСЗ-1, т. VI, № 4022. О монастырях, п. 45].

Слияние малобратственных монастырей с более крупными должно было иметь и общественно-полезные последствия: процветающее монастырское хозяйство, в котором *обретается многое за потребами довольство*, могло бы обеспечить странноприимницы или лазареты, которые полагалось устроить при монастырях, где бы можно было *престарелых и здравия весьма лишенных, кормитися собою немогущих и промышленников о себе немущих ... в славу Божию потребами покоить*. Этими недееспособными лицами должны были стать прежде всего воины, потерявшие здоровье на государственной службе, а сами благотворительные заведения требовалось устроить по образцу описан-

ного в Морском Регламенте благотворительного учреждения [Там же, п. 46]. Прибавление к Духовному Регламенту требовало излишних построек в монастырях не затевать, а имеющиеся средства употреблять на странноприимницы, поскольку *такое дело пред Богом многоприятнее будет* [Там же, п. 47].

В целом слияние монастырей в более крупные ни одной заявленной цели не достигло. В Синоде оказалось недостаточно достоверной информации, чтобы обоснованно выявить малобратственные монастыри, для которых слияние стало бы благом. О том, сколь подчас была эфемерна информация, свидетельствует, например, подготовленная в Синоде в 1724—1726 годах сводная документация о владениях монастырей, в которой данные по монастырям Вятской епархии приводились на 1678 год. По этой ведомости значилось, что за крупнейшим на Западном Урале Пыскорским Преображенским монастырем *«вотчин нет»*, и поэтому ему далее монастырем быть *«несуразно»*, и его следует преобразовать в приходскую церковь. Такую же судьбу готовили и Чердынскому Богословскому монастырю [РГИА, ф. 796, оп. 5, ед. хр. 566, л. 26 об. 27]. Однако это предложение на практике реализовано не было, а в многочисленных вотчинах Пыскорского монастыря сохранились и пустыни, которые вполне подходили под определение малобратственных, существовавшие вплоть до введения штатов монастырей 1764 года.

Опыт слияния малобратственных монастырей с большими, как свидетельствует ряд дел, сохранившихся в архиве Синода [Описание..., т. VI], привел во многих случаях не к экономическому росту и качественному укреплению состава братии, а наоборот, к разорению владений бывших маловотчинных монастырей и конфликтам среди насельников соединенной общины. Правительство тоже было разочаровано ходом преобразований: вместо процветающих крупных монастырей, где можно было бы устроить богадельни и лазареты для государственных нужд, результатом слияния стала несбалансированная монастырская экономика и конфликтная братия. В 1726—1727 годах был издан ряд указов [ПСПиР, т. V, № 1767, 1772, 1786, 1787, 1907], предписывавших из таких соединенных монастырей, если они оказались слишком велики и малоэффективны, вернуть прежние малобратственные общины (особенно если они не были положены в штат), на свои места, а из особо больших монастырей еще и часть братии основного монастыря отправить по пустыням. Обосновывалось это решение сугубо экономическими обстоятельствами.

Итак, попытка укрупнения монастырей путем их консолидации в целом не удалась. Малодейственными были и предписания о том, чтобы монастыри не затевали неоправданно больших построек, а лучше бы тратили деньги на благотворительность.

Самый яркий пример этому — история с переездом Пыскорского Преображенского монастыря сначала на Лысьву в 1755—1756 годах, потом в Соликамск в 1775 году и, наконец, в Пермь в 1781—1794 годах. Настоятель Иуст, сочтя постройки в Пыскоре недостаточно крепкими, а место, где расположена

обитель, чреватый оползнем, решил построить новый комплекс на реке Лысьве. Подробности мотивации такого решения до сих пор не поддаются логичному объяснению: в то время как по всей стране шло кардинальное сокращение численности монашествующих, он затеял строительство жилых корпусов на 174 кельи, хотя наличная численность была намного меньше (в 1747 году, например, в монастыре было всего 23 монаха) [ГАКО, ф. 237, оп. 74, ед. хр. 131, л. 8]. В результате целого ряда строительных просчетов, хозяйственных неурядиц, *Иуст сделал монастырь пуст*: новые постройки рушились, старые разбирали, монастырь потерпел огромные убытки [Словцов, 1869; Головчанский и др., 2005, с. 164—168]. Впоследствии, когда архимандрит Иуст оказался под синодальным следствием, среди многих обвинений ему было предъявлено и то, что он разорил монастырь этим переездом, не согласованным с Синодом [РГИА, ф. 796, оп. 43, ед. хр. 139, 140].

3. Монастыри без согласия Синода не строить

Второй существенной для изменения пространственной организации монастырей нормой стало положение Прибавления 1722 года, запрещающее без веденья Синода строить впредь монастыри — как мужские, так и женские [ПСЗ-1, т. VI, № 4022. О монастырях, п. 48]. Это противоречило сложившейся практике основания монастырей по личной инициативе лиц, желавших иноческой жизни, и ставило процесс организации монастырей под церковно-государственный контроль, причем на самом высоком уровне, поскольку Синод не осмелился бы разрешить устройство монастыря вопреки действующему законодательству. Еще до издания Приложения, в конце XVII века были указы Петра I, запрещающие в отдельных регионах устройство новых монастырей без Высочайшего разрешения, поскольку и имевшихся, по его мнению, было достаточно [ПСЗ-1, т. III, № 1629].

На Среднем Урале, например, на всем протяжении XVIII века не было создано ни одного монастыря (только в самом конце столетия в Екатеринбурге возникла небольшая женская община, которая в 1809 году получила статус монастыря). Но это стало следствием не столько предписания не строить новые монастыри, сколько жесткого контроля за соблюдением социальных ограничений на постриг в монашество, введенных также Прибавлением к Духовному Регламенту 1722 года [см.: Титлинов, 1905, с. 277—306; Нечаева, 2012, с. 28—50]. После повсеместных следствий 30-х годов о постриженных из *«неуказных чинов»*, их массового расстрижения и установления огромных штрафов (500 рублей за человека) для архиереев, которые разрешили бы такой постриг, основной канал пополнения российского монашества из крестьянства был закрыт, и началось кардинальное уменьшение состава насельников даже в существующих монастырях. В условиях, когда не хватало иеромонахов и иеродиаконов для службы в монастырских церквах, простых монахов для управления хозяйственными делами в вотчинах (а у некоторых монастырей были вотчины, вполне сопостави-

мые по своим размерам с современными районами, например, у Далматовского Успенского и Пыскорского Преображенского на Среднем Урале), вопрос об основании новых монастырей просто потерял актуальность.

4. «Монастыри женские затворить»

Существенные значения для изменения пространственной организации монастырей могли бы иметь положения Прибавления о *«затворении»* женских монастырей. Документ запрещал монахиням покидать обитель, за исключением игумении и одной-двух сестер по ее избранию, и то по крайней монастырской нужде. Запрещалось посещение женских монастырей мирянами, за исключением *«благословных времен, якоже литургии святой, или благословных лиц, якоже духовника для нужды больным»*. Этому *«затворению»* должна была способствовать и архитектура монастырских храмов: в надвратных монастырских церквах, куда требовалось перенести наиболее чтимые монастырские святыни, должно было быть два входа — одно «крыльцо» на улицу для мирян, а другие двери — в игуменские покои, откуда только и можно было бы пройти на территорию монастыря, *и пресечения ради подозрительства никому, как мирским, так и монахом, по кельям ходить никогда не попускать, но весьма то жестоко запретить* [ПСЗ-1, т. VI, № 4022. О монахинях, п. 37]. Внутри церкви монахини также должны были стоять отдельно от мирян — в трапезе, а клирошанки — на хорах [Там же, п. 41].

Однако на материалах Среднего Урала не удается увидеть исполнение этого предписания: ни в сохранившихся архитектурных комплексах, ни в описаниях утраченных построек женских монастырей нет упоминаний о надвратных церквах, к которым относились эти предписания. Обычно в уральских женских обителях была одна церковь — на территории, внутри стен монастыря.

Стремление *«затворить»* женские монастыри проявлялось и в требованиях *«развести»* мужские и женские монастыри, которые в начальный период своего существования иногда располагались на одной территории. На Среднем Урале, например, в ограде Невьянского мужского Богоявленского монастыря жила и женская община [ГАШ, ф. 224, оп. 1, ед. хр. 86, л. 2—15 об.]*, у стен Далматовского мужского монастыря существовал женский Введенский монастырь.

Основанный в 1680 году Далматовский Введенский женский монастырь поначалу располагался в 64 метрах к юго-востоку от мужского. После случившегося 20 сентября 1742 года в обоих монастырях пожара женскую обитель собирались перевести на другое место, в 427 метрах от мужского монастыря. Но пока шла заготовка стройматериалов, митрополит Тобольский Антоний решил сам осмотреть место для будущего монастыря, а насельниц временно перевести в хозяйственный центр вотчин Далматовского Успенского монастыря — Верхтеченское поселье, в 48 километрах от мужского монастыря, *для от-*

* Автор благодарит И. Л. Манькову за предоставленную информацию.

вращения всякого подозрения. 12 октября 1743 года сестры уехали в поселье. Однако устроенные для них кельи скоро обветшали и настоятель Успенского монастыря Иакинф предложил перевести их на новое место, на берегу реки Течи, в 6,4 километрах от мужского монастыря. Архимандрит Иакинф предложил отстроить монастырь в камне. Но водоворот событий («дубинщина», секуляризация 1764 года) не позволил осуществиться этим замыслам [Плотников, 1906, с. 86—87]: по указу 12 августа 1764 года (указ о секуляризации монастырских вотчин) Введенский монастырь подлежал закрытию.

Пример Введенского монастыря показывает, что о желательности устройства женской обители в отдалении от мужского епархиальные власти помнили, но исполнение этого происходило только в связи с неизбежными строительными работами, а не сразу по получении указов. Сам же обычай устраивать мужские и женские монастыри в одном населенном пункте на противоположных концах являлся давней традицией и просматривается в архитектуре многих старинных русских городов (на Среднем Урале именно по такому принципу изначально были устроены верхотурские и соликамские монастыри, но там женские монастыри не были приписными к мужским). Такое расположение создавало и дополнительные узлы сакральной защиты города.

5. Штаты 1764 года

Указ о секуляризации 26 февраля 1764 года [ПСЗ-1, т. XVII, № 12060] знаменовал введение в действие нового первоочередного фактора пространственного размещения монастырей — теперь существование монастыря было в воле монарха. Вопрос об основании новых монастырей был закрыт на неопределенное время: сначала надо было распределить по оставшимся штатным монастырям насельников закрытых обителей.

Изучая список оставшихся в штате и подлежащих закрытию монастырей, можно отметить, что наличие крепких монастырских построек, особенно каменных храмов, было даже важнее, чем численность наличной братии: людей было перевести проще, чем найти средства для строительства храма. Но в этом была и тесная связь с экономическим благосостоянием монастыря до секуляризации: только достаточно обеспеченные монастыри могли себе позволить каменные постройки. Вероятно, именно этим в значительной степени объясняется и тот факт, что было закрыто чрезмерно много женских монастырей — они редко имели вотчины до 1764 года, а если им платили ругу, то она была даже меньше, чем в мужских монастырях, средства же на строительство они могли получить только от благодетелей или местных властей. В результате комплексы построек в женских монастырях зачастую были более бедными и ветхими, чем в мужских.

Закрытые по штатам 1764 года монастыри не сразу прекратили свое фактическое существование. При персональном разборе монашествующих всегда находились больные и престарелые, которым не под силу было ехать за сотни

километров в другую обитель. Им требовались сиделки, таким образом, часть трудоспособных приходилось оставлять на месте. Этих не подлежащих переезду лиц формально приписывали к одному из монастырей, откуда им платились штатные суммы, ставшие единственным источником существования. Реальное прекращение функционирования закрытых по секуляризации монастырей иногда затягивалось вплоть до 80-х годов XVIII века — до полного вымирания насельников.

Не все оставшиеся в штате монастыри имели долгую судьбу. Одни прекратили существования из-за обветшавших построек — Синод в такой ситуации предпочитал переселить братию, а не тратиться на строительство церкви и келий. Так, братия Невьянского Богоявленского монастыря была переведена в 1783 году в Абалак [РГИА, ф. 796, оп. 61, д. 274], а насельники Истобенского Троицкого монастыря в 1795 году — в Соликамский, который с этого времени стал называться Соликамско-Истобенским Троицким [Словцов, 1870, с. 21—22].

Некоторые монастыри стали столь малобратственными, что последних монахов перевели в другие обители, а монастырь преобразовали в женский, переселив уже сложившуюся, но материально не обеспеченную общину (такому преобразованию в 1822 году был подвергнут Туринский Николаевский монастырь).

В сохранившихся по штатам 1764 года монастырях на текущие строительные нужды отпускались лишь небольшие суммы, поэтому все вопросы строительства новых храмов, келейных корпусов становились предметом обсуждения с Синодом для получения дополнительного финансирования или с епархиальным архиереем, который мог разрешить целевой сбор пожертвований по епархии. Таким образом, тезис об умеренных и разумных тратах на монастырское строительство получил реальное управленческое воплощение.

6. Новое поколение монастырей

Новые монастыри на Среднем Урале, например, стали создаваться только с конца XVIII века. Первым стал Екатеринбургский Новотихвинский женский монастырь, начало которому было положено поселением при кладбищенской церкви нескольких женщин, желавших богоугодной жизни (существуют разночтения в дате фактического основания — 1796 или 1797 год). Этой небольшой неформальной общине удалось снискать уважение горожан и получить небольшое пособие из городской казны. Основательница монастыря Татьяна Костромина сплотила общину, обеспечила ее хотя бы аскетическое существование заупокойными службами и рукодельными работами, получила поддержку епархиальных и городских властей, признавших нужным создание православного монастыря в регионе со значительным количеством старообрядцев и горнозаводского населения, отличавшегося большой мужской смертностью. Община старалась стать общественно нужною: принимали сирот и больных в лучших традициях христианской благотворительности. Но добиваться имен-

ного указа о создании монастыря, даже при наличии несомненных заслуг, признания и материальных средств, которые Татьяна Костромина смогла получить от благотворителей, ей пришлось два года, лично находясь в столице. И это притом, что на Среднем Урале после секуляризации 1764 года не осталось ни одного женского монастыря.

Четкий свод требований к вновь создаваемым монастырям был сформулирован несколькими указами Синода в 60-е годы XIX века. Непременными условиями была благотворительная деятельность и общежительное начало, наличие согласия местного гражданского сообщества на существование монастыря, ходатайство епархиального начальства перед Синодом с подтверждением нравственных качеств насельников и актуальности создания монастыря для религиозного просвещения местного населения. Фактически было и еще одно неперемнное требование, причем первостепенной важности: наличие у общины материальных средств для существования, поскольку подавляющее большинство новых монастырей были заштатными — не получавшими денежного содержания от казны. Такие заштатные монастыри с 1881 года мог утверждать Синод и без Высочайшей резолюции [Ивановский, 1905, с. 89; Собрание, 1899, с. 68—70].

Несомненно, эта система требований имела прямую преемственность с нормами Духовного Регламента. Новые монастыри основывались обычно на окраине или в небольшом отдалении от городских и сельских поселений — так обеспечивалась уединенность, закрытость монашеской жизни от мирских соблазнов, но в то же время монастырь мог быть полезен местному населению, принимая детей, прежде всего сирот, на обучение и воспитание, больных и немощных — на лечение. Обычно монастырь утверждался, когда численность насельников в нем уже была сопоставима с ситуацией в штатных монастырях 3-го класса, они уже не были малобратственными. В женских монастырях, основанных в XIX — начале XX вв., через несколько лет после их официального учреждения уже проживало обычно более ста, а в некоторых и в разы больше насельниц (в Екатеринбургском Новотихвинском монастыре, например, к 1914 году было около 1000 монахинь и послушниц).

Церковные власти пристально наблюдали и за тем, чтобы отдаленные скиты возникали лишь в тех монастырях, где есть опытные старцы, способные наставить более неопытных монахов к благочестивой жизни. Так, на Среднем Урале только у Верхотурского Николаевского мужского монастыря в конце XIX — начале XX вв. сложилась сеть скитов и заимок, и то после того, как в монастыре были введены общежительные порядки и присланы несколько опытных в духовной жизни монахов из Валаамского Преображенского монастыря [Тихон (Затекин, игумен), 2006, с. 154—185]. Основал Серафимовский скит и Фаворскую пустынь Белогорский Николаевский монастырь, но уже после того, как завоевал репутацию крупного миссионерского центра и стал одним из крупнейших монастырей региона.

7. Выводы

Таким образом, можно говорить о том, что основные факторы, определявшие географию размещения монастырей в синодальный период, были изложены еще в Прибавлении к Духовному Регламенту 1722 года и сохранялись на протяжении всего периода, действовали совокупно, хотя и с разной интенсивностью в разное время. Главной вехой в изменении пространственного размещения монастырей синодального периода следует назвать секуляризацию монастырской собственности 1764 года, фактически реализованную в полной мере к концу XVIII — началу XIX вв., когда, действительно, прекратили свое существование закрытые по штатам монастыри, а также те штатные, которые не смогли сформировать жизнеспособные монашеские общины. Новое поколение монастырей, которое наиболее активно стало возникать во второй половине XIX века, основывалось при более полном учете насущных потребностей современного общества и на общежительных трудовых началах, после того, как численность вновь созданных монастырей стала значительно превышать количество штатных, ведущих свое существование с досекуляризационного периода, и эти штатные в приказном порядке были переведены на нормы общежития и полнее стали заниматься делами общественно значимой благотворительности.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКО — *Государственный архив Кировской области*.
Ф. 237. Оп. 74. Ед. хр. 131.
Ф. 237. Оп. 81. Ед. хр. 6.
2. ГАШ — *Государственный архив Шадринска*.
Ф. 224. Оп. 1 Ед. хр. 86.
3. *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода* / [сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего правительствующего синода]. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1868—1914. — Т. VI.
4. ПСЗ-1 — *Полное собрание законов Российской империи. Собрание I.* — Санкт-Петербург, 1830. — Т. III, VI, XVII.
5. ПСПиР — *Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания*. Санкт-Петербург, 1879—1912. Т. V.
6. РГИА — *Российский государственный исторический архив*.
Ф. 796. Оп. 5. Ед. хр. 566.
Ф. 796. Оп. 43. Ед. хр. 139.
Ф. 796. Оп. 43. Ед. хр. 140.
Ф. 796. Оп. 61. Ед. хр. 274.
7. *Собрание церковно-гражданских постановлений о монашествовавших и монастырях* / сост. Прот. Иоанн **Чижевский**. — Харьков : Печатное дело, 1898. — 191 с.

Литература

1. *Головчанский Г. П.* Строгановские городки, острожки, села / Г. П. Головчанский, А. Ф. Мельничук. — Пермь : Книжный мир, 2005. — 232 с.

2. *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (опыт историко-канонического исследования) / В. Ивановский. — Харьков : Тип. Губернского правления, 1905. — 174 с.

3. *Нечаева М. Ю.* Далматовская братия XVIII — начала XX вв. / М. Ю. Нечаева // Свято-Успенский Далматовский монастырь — духовный центр Зауралья : история и современность : сборник статей / отв. ред. иг. Варнава (Аверьянов), И. Л. Манькова. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2012. — С. 28—50.

4. *Нечаева М. Ю.* Монастырские ландшафты Среднего Урала : исследовательские подходы и объекты наследия / М. Ю. Нечаева // Уральский исторический вестник. — 2011. — № 4 (33). — С. 96—102.

5. *Плотников Г. С., прот.* Описание мужского Далматовского Успенского общежительного трехклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (Екатеринбургской епархии, Пермской губернии). — Екатеринбург : Типография газеты «Урал», 1906. — 97 с.

6. *Словцов И.* Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь / И. Словцов. — Пермь : [б. и.], 1869. — 77 с.

7. *Словцов И.* Соликамско-Истобенский, Свято-Троицкий, трехклассный мужской монастырь / И. Словцов // Пермские епархиальные ведомости. — 1870. — № 3. Отдел неоф. — С. 21—33.

8. *Титлинов Б. В.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношении к делам Православной Церкви / Б. В. Титлинов. — Вильна : Русский Почин, 1905. — 466 с.

9. *Тихон (Затекин, игумен).* Уральская Лавра / игумен Тихон (Затекин), М. Ю. Нечаева. — Екатеринбург : [Яблоко], 2006. — 480 с.

Factors of Monastic Landscapes Changing during Synodal Period (by Example of Middle Urals)

© **Nechayeva Marina Yuryevna (2015)**, PhD in History, senior research scientist, Sector of Methodology and Historiography, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), atlasch@narod.ru.

This article analyzes the factors that determined the change of the spatial distribution of Orthodox monasteries in Russia during the Synodal period. It is shown on the basis of archival materials and legislation of XVIII — early XX centuries that the requirements were set out in Addition to Spiritual Regulations of 1722. The expressed in this document prohibitions on the secluded monasteries, the intention to join small monasteries to larger and more financially secure, complete control from the Synod for the formal establishment of the monasteries, the requirement to “shut” women’s monasteries and not to build in the monasteries beyond the needs are described. It is stated that the attempt to combine small monasteries to the larger ones did not give significant results and the policy was adjusted. It is shown that the next wave of monasteries in Russia began to appear only in the late XVIII — early XIX centuries after the completion of the distribution of monks into established monasteries. It is concluded that, exposing a precondition to the establishment of monasteries, the Synod ensured that the monasteries were arranged near settlements and became charitable centers, with facilities for its activity demand by the local population.

Key words: Russian Orthodox Church; monasticism; secularization; Church and state; monastic landscapes; cultural landscapes; religious landscapes.

References

- Golovchanskiy, G. P., Melnichuk, A. F. 2005. *Stroganovskiye gorodki, ostrozhi, sela*. Perm': Knizhnyy mir. 232. (In Russ.).
- Ivanovskiy, V. 1905. *Russkoye zakonodatelstvo XVIII i XIX vv. v svoikh postanovleniyakh otnositelno monashestvuyushchich lits i monastyrey (Opyt istoriko-kanonicheskogo issledovaniya)*. Harkov: Tip. Gubernskogo pravleniya. 174. (In Russ.).
- Nechaeva, M. Ju. 2012. Dalmatovskaya bratiya XVIII — nachala XX vv. In: ig. Varnava (Averyanov), Mankova, I. L. (eds.). *Svjato-Uspenskiy Dalmatovskiy monastyr' — dukhovnyy centr Zauralya: istoriya i sovremennost'*: sbornik statey. Ekaterinburg: AMB. 28—50. (In Russ.).
- Nechaeva, M. Ju. 2011. Monastyrskiy landshafty Srednego Urala: issledovatel'skiye podkhody i obyekt'y naslediya. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 4 (33): 96—102. (In Russ.).
- Plotnikov, G. S., prot. 1906. *Opisaniye muzhskogo Dalmatovskogo Uspenskogo obshchezhitelnogo tretyeklassnogo monastyrya i byvshego pripisnym k nemu zhenskogo Vvedenskogo monastyrya (Ekaterinburgskoy eparkhii, Permskoy gubernii)*. Ekaterinburg: Tipografija gazety «Ural». 97. (In Russ.).
- Slovtsov, I. 1869. Pyskorskiy Preobrazhenskiy stavropigialnyy 2-go klassa monastyr'. Perm'. 77. (In Russ.).
- Slovtsov, I. 1870. Solikamsko-Istobenskiy, Svyato-Troitskiy, tretyeklassnyy muzheskiy monastyr'. In: *Permskiye eparkhialnyye vedomosti*, 3, ot del neof: 21—33. (In Russ.).
- Tikhon (Zatekin, igumen), Nechaeva, M. Ju. 2006. *Uralskaya Lavra*. Ekaterinburg: [Yabloko]. 480. (In Russ.).
- Titlinov, B. V. 1905. *Pravitel'stvo imperatritsy Anny Ioannovny v ego otnosheniyakh k delam Pravoslavnoy Tserkvi*. Vilna: Russkiy Pochin. 466. (In Russ.).